

DOI 10.25991/AE.2019.17.52.006
УДК 162.6

М. В. Семиколенных

Семиколенных Мария Владимировна — кандидат культурологии, научный сотрудник РХГА
maria.semikolennykh@gmail.com

ISAGOGE DIALECTICA ГЕОРГИЯ ТРАПЕЗУНДСКОГО: УЧЕБНИК ЛОГИКИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ*

Статья посвящена составленному в середине XV века «гуманистическому» учебнику логики, *Isagoge Dialectica* Георгия Трапезундского. В статье кратко рассматриваются обстоятельства создания произведения, его содержание, круг источников и история распространения Европе эпохи Ренессанса.

Ключевые слова: Георгий Трапезундский, логика, риторика, диалектика, схоластицизм

Semikolennykh M. V.

George of Trebizond's *Isagoge Dialectica*: A Renaissance Textbook of Logic

The paper considers a “humanistic” textbook of logic compiled in the middle of the 15th century: *Isagoge Dialectica* by George Trapezundsky. The paper briefly discusses the circumstances of the textbook’s making, the contents of the book, its sources, both ancient and Scholastic, as well as the history of its publication and usage throughout the Renaissance Europe.

Keywords: George of Trebizond, logic, rhetoric, dialectics, scholasticism

Принято считать, что в эпоху Возрождения существовало два подхода к изучению и преподаванию логики: их можно условно назвать «схоластическим» и «гуманистическим»; первый связывают с университетской традицией, второй — с частными школами [7, р. 174–174]. Для первого был характерен строгий формализм и использование особого языка: школьной латыни — технического жаргона, своего рода «метаязыка», ставшего неотъемлемой частью всякой теоретической спекуляции [2, р. 609]. Для второго языком *par excellence* стала классическая латынь, а целью — исследование аргументации и способов рассуждения с тем, чтобы впоследствии применить эти знания при анализе сочинений античных писателей и в собственной практике [13, р. 194]. Сторонники этого менее формального и, если можно так сказать, более прагматического подхода склонны были высмеивать «варварскую», «оторванную от жизни» латынь схоластов (хотя, как замечает Э. Дж. Эшворт, в своих попытках воссоздать стиль авторов древности формировали «искусственный язык» иного рода [2, р. 610]). Однако отвергнуть «неестественность» и «неуклюжесть» языка схоластической логики значило также отказаться и от её философского содержания, от возможности уточнённого анализа понятий [4, р. 104–106]: таким образом, логика освобождалась от всяких предпосылок метафизического характера и обретала новое место в системе наук. Её изучение всё прочнее связывали с грамматикой и риторикой. В рамках «гуманистической» программы свободная, лишённая всех «бесполезных» доктринальных усложнений и сведённая к своим основным элементам диалектика должна была стать набором инструментов, полезных оратору, политику, проповеднику или преподавателю

различных дисциплин [16, р. 81–82]. Это позволяет исследователям говорить о «гуманистической» логике как о логике «риторизированной» и связывать с именами Лоренцо Валлы и Рудольфа Агриколы попытку предложить новую концепцию логики, ориентирующуюся на труды не столько Аристотеля, сколько Цицерона (прежде всего, «Топику»). Результатом деятельности гуманистов стало своего рода «перереформатирование» логического знания: в него было включено многое, что традиционно входило в сферу риторики, а сама риторика оказалась связана не с нахождением (*inventio*) общих мест, а, скорее, с украшением речи [2, р. 630–631].

Тем не менее было бы ошибкой представлять себе сторонников «гуманистического» подхода к логике исключительно мыслителями-революционерами, решительно порывающими со схоластической традицией: скорее, имеет смысл говорить о сложном взаимодействии и нередко — взаимовлиянии двух тенденций. Примером «синкретического» подхода к изучению логики, при котором Цицероновские и риторические методы сочетались со школьной аристотелевской традицией, использованием классических схоластических пособий (в частности, *Summulae logicae* Петра Испанского) и даже некоторых сочинений современных автору логиков [14, S. 169], является учебник Георгия Трапезундского *Isagoge Dialectica*, на протяжении многих десятилетий пользовавшийся огромной популярностью сначала на Апеннинском полуострове, а затем и по всей Европе.

Георгий Трапезундский (1395–1484), уроженец Крита, в возрасте двадцати лет перебравшийся в Италию и уже в 1422 году начавший давать частные уроки, а в 1427 году возглавивший собственную

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ, проект № 18–78–10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

школу в Венеции, сделал преподавание риторики, латыни и греческого языка делом своей жизни — наряду с литературными трудами и переводами с греческого на латынь [3; 11; 15, № 4120; 17]. Руководства по риторике, грамматике и логике составляют важнейшую часть его наследия. В 1433 или 1434 году он опубликовал свой *opus magnum: Libri Quinque Rhetoricorum*, в которой попытался совместить византийскую риторическую традицию, восходящую к Гермогену Тарсийскому, с западной, то есть Цицероновской. В 1430-х годах было опубликовано и, вероятно, наиболее популярное его произведение: учебник грамматики *De partibus orationis ex Prisciano compendium*, в XV веке широко использовавшийся в итальянских школах. А в 1439–1440 годах им был составлен один из первых «гуманистических» учебников логики, *Isagoge Dialectica* [5; 6], посвящённый «блистательному юноше» Пьетро Гамбакорта (ум. 1485), внуку последнего правителя Пизанской республики, Джованни Гамбакорта, и будущему правителю местечка Кампокьяро [9], домашним учителем которого Георгий был в период с апреля 1438 года по июль 1440 [11, p. 37].

В письме, предпосланном сочинению, Георгий сообщает, что взялся за труд, чтобы отблагодарить Пьетро за его привязанность к наставнику, дав ему возможность превзойти всех прочих людей учёностью (а также — чтобы выказать «величайшее почтение» отцу своего ученика, Герардо Гамбакорта). А так как, по мнению Георгия, «будущему оратору» следует хорошо разбираться в диалектике: ведь те, кто с ней незнаком, не способны ни рассуждать, ни разделять понятия, ни определить, не отклоняется ли произведение от своего предмета, ни правильно понять Цицерона, которому подражают, — он решил преподнести Пьетро краткое изложение этой науки, черпая при этом из «перипатетических источников» (*peripateticorum fontibus*). Георгий перечисляет причины, по которым диалектика (как и вообще все философские наставления) находится в небрежении у его современников: это и косноязычие (*infantiam*) наставников, и непонятность предмета, и объём и количество написанных о нём книг, и некомпетентность (*barbariem*) переводчиков сочинений перипатетиков с греческого языка на латынь. Однако, — отмечает он, — человека, считающего, что он и без знания подобных вещей может должным образом заниматься нахождением материала (*invenire*) или понимать то, что было систематизировано другими, следует «гнать, будто безумца» (*quasi amens contemnendus est*). Письмо завершает рекомендация усердно изучить предложенный вниманию читателя труд, верить его памяти, укрепить выученное упражнениями и, наконец, ведя беседы «с другими и самим собой», превратить полученное знание в доступный и привычный инструмент (*facillima et sic innata tibi reddere*). «Если сделаешь так, — заключает Георгий, — то ни тебе не придётся жалеть о наших уроках, ни мне — о своих

трудах» (*Quod si facies nec te preceptionis nostrae nec me [mei] laboris penitebitur*) [6, f. 2r].

В этом предисловии очевидны общие места «гуманистического» околориторического дискурса: у изучения риторики, по Георгию, практические цели (правильно интерпретировать Цицерона и с лёгкостью использовать различные стратегии аргументации). Ниже, в разделах, посвящённых силлогизмам, Георгий также скажет несколько слов о важности владения описываемыми им приёмами аргументации для преподавателей, задача которых — излагать свой предмет как можно более подробно, ясно и упорядоченно, не опуская ни одного этапа рассуждения (как делают из соображений лаконичности и изящества речи ораторы, которые говорят, «иногда смешивая части [рассуждения] и зачастую одно оставляя без внимания, другое изменяя, третье не заканчивая») [5, p. 102]. В предисловии не обходится также без упрека в адрес современных Георгию переводчиков, «варварски» обращающихся с сочинениями перипатетиков (отметим, однако, что здесь же Георгий хвалит переводы своего современника, Леонардо Бруни (*Leonardus Arretinus*): «мужа, благодаря которому наш век смог соперничать слогом с древностью» [6, f. 1v]). Обращает на себя, однако, внимание и другое: во-первых, Георгий подчёркивает свою преданность перипатетической традиции, напрямую связывая её с риторикой (ниже он назовёт Аристотеля «князем не только мыслителей, но и ораторов» [5, p. 102]); во-вторых, он особо отмечает ценность дисциплины, основы которой намерен изложить: «нахождение» материала — то есть самый первый шаг оратора при составлении речи, — невозможно без знания диалектики.

Диалектику Георгий определяет как науку искусного ведения спора (*diligens disserendi ratio*) [5, p. 9]. Формулировка заимствована им у Цицерона [10, VI], который, однако, называет диалектику и топику частями единой, разработанной Аристотелем науки: диалектика трактует о суждении (*judicandi*), тогда как топики — о нахождении (*inveniendi*). Тем самым у Георгия, вопреки «гуманистической» традиции, логика не включает в себя учение о нахождении (*inventio*), и невозможно говорить о её радикальной «риторизации» [11, p. 303].

Рассуждая далее о том, что значит искусно вести спор, Георгий заявляет, что на это способен лишь тот, кто «то, что нашёл (*invenit*) и посчитал должным сказать, так соединил, чтобы из сказанного им с необходимостью следовало то, что он задумал»: именно это греки называют силлогизмом, а латиняне — умозаключением (*rationationem*), в свою очередь, состоящим из суждений (*propositionibus*); каждое из простых суждений образовано двумя терминами: субъектом и предикатом. Термины бывают составными (*complexus*), как, например, «наука гражданского права», и несоставными (*incomplexus*), например, «человек», «наука», «делает», «бежит». Несоставные термины делятся

на имена существительные и глаголы; кроме того, они могут быть конечными (*finita*) или бесконечными (*infinita*), то есть определяемыми через отрицание («не человек», «не делает»). Наконец, Георгий перечисляет виды высказываний (*oratio*) [5, p. 9–11], после чего посвящает отдельный раздел понятию суждения (*propositio*), вводя, в частности, «весьма произвольное», по замечанию К. Прантля [14, S. 169], различие между *propositio* и *enuntiatio* (высказывания, в которых нечто о чём-то утверждается либо отрицается, а равно те, в которых заключается о существовании или несуществовании некоего предмета, он называет «положениями») (*enuntiatio*) в противовес «суждениям» (*propositio*), которые бывают истинными или ложными [5, p. 19]).

За этим кратким вступлением, содержащим перечень логических терминов, заимствованный у Аристотеля, следует план сочинения. Сначала, — сообщает Георгий, — он намерен написать о том, «что Греки обычно называют сказуемыми (*voces*), а Латиняне — предикабилиями (*praedicabilia*)». Затем — о категориях (*praedicamentes*) и категорическом (*praedicatorio*) силлогизме. Далее — о гипотетическом суждении (*propositio*) и силлогизме, об определении и делении; кроме того, Георгий обещает читателю, что «не пренебрежём мы, конечно, и теми правилами, которые описывают смысл и природу того, что новые авторы (*juniores*) называют предписанием (*obligationem*)» [5, p. 31–32].

Влияние логических трактатов Аристотеля и сочинений Цицерона на *Isagoge Dialectica* очевидно, но эти авторы не были единственными источниками Георгия: ссылается он также на Порфирия и Боэция [5, напр. p. 32–33, 100]. Дж. Монфасани, называющий *Isagoge Dialectica* примером «адаптации схоластической логики для нужд ораторского искусства», полагает, что Георгий Трапезундский начал знакомиться со схоластической философией по меньшей мере с середины 1430-х годов [12, p. 49]. И действительно, уже К. Прантль отмечает, что в своём изложении учения о силлогизмах Георгий следует Петру Испанскому (вплоть до полного совпадения списка модусов силлогизмов четырёх фигур, данного в той же последовательности, что в *Summulae Logicales*) [14, S. 170; ср. 8, Cvi-r]. Ч. Вазоли высказывает предположение, что со схоластической логикой Георгия познакомил Геннадий Схоларий [16, p. 83], что вряд ли возможно, поскольку тому на момент отъезда Георгия в Италию было около десяти лет [11, p. 305, n. 19] (согласно PLP, Георгий действительно учился у Геннадия Схолария [15, № 4120]: если так, то это случилось уже после того, как была написана *Isagoge Dialectica*). Однако то, что в *Isagoge Dialectica* нередки точные цитаты из латинских источников, показывает, что Ч. Вазоли, вероятно, прав, утверждая, что Георгий читал схоластов в оригинале (даже если написанные полатыни трактаты уже были переведены на греческий) [16, p. 91]. Помимо Петра Испанского, в список схоластов, явно или неявно появляющихся на стра-

ницах учебника Георгия, входят Фома Аквинский, учитель Петра Испанского Уильям Шервуд и Гилберт Порретанский, которому приписывался трактат *Liber de sex principiis* [16, p. 81–99]. Не менее интересным представляется и вопрос о том, кого Георгий подразумевает, говоря о *juniores*. Ч. Вазоли находит в *Isagoge Dialectica* определения понятий *consequentia*, *suppositio* и *obligatio*, вероятно, позаимствованные из *Summa Totius Logica* Оккама [16, p. 85, 90, n. 25; 5, p. 84–85, 143, 162]. Дж. Монфасани показывает, что, например, изложение Георгием проблемы сведения предикатов к одной из пяти предикабилей Порфирия очень похоже на трактовку Павла Венецианского в *Logica parva*, а также указывает, что, давая определение понятию категории (*praedicamentum*), Георгий использует характерное словечко *co-ordinatio*, также появляющееся в *Logica parva* [11, p. 308, n. 28, p. 209, n. 29].

Как уже было сказано, учебник Георгия Трапезундского предназначался для конкретного ученика, происхождение и положение которого требовало умения убедительно говорить. Любопытно, что уже в издании середины XVI века письмо к Пьетро Гамбакорта отсутствует, и, столкнувшись с необходимостью прокомментировать обращение автора к «моему Петру» в тексте, Иоанн Новиомагус (*Johannes Noviomagus van Bronkhorst*) идентифицировал его с другим наследником знатного рода: Пьетро Медичи, сыном Козимо Старшего [5, p. 109, 115]. Возможно, такой выбор предполагаемого адресата связан не только с желанием приукрасить репутацию самого Георгия и его учебника, но и с тем, что в первый, итальянский, период своей истории: с момента написания и до 1492 года, когда трактат по чистой случайности попал в руки французского гуманиста Якоба Фабера (Жака Лефевра), — он использовался преподавателями-гуманистами, дававшими частные уроки [11, p. 328]. Первое, венецианское, издание *Isagoge Dialectica* появилось в 1470 году; в 1508 году Якоб Фабер издал учебник в Париже, намереваясь сделать его частью своей образовательной реформы, и за следующие 60 лет он был издан более пятидесяти раз [11, p. 329, 335; 16, p. 83]. Дж. Монфасани отмечает, что пики популярности сочинения Георгия и *De inventione dialectica* Рудольфа Агриколы совпадают по времени, и предполагает, что они дополняли друг друга в новой «гуманистической» системе логики, поскольку охватывали две основные её части: учение о нахождении (Агрикола) и о суждении (Георгий) [11, p. 335].

По замечанию Ч. Вазоли, для трёх поколений гуманистов учебник Георгия, «пример нового философского и педагогического мышления», заменил средневековые схоластические руководства по логике [16, p. 83]: по нему преподавали в Познани и Коимбре, Кэмбридже и Париже, Лувене и Мессине [11, p. 335–337]. Ярким примером того, сколь глубоким и повсеместным было влияние небольшой книжки Георгия Трапезундского, можно счесть упоминание его имени в «Опытах» Монтеня. Рас-

суждая о том, что животные от природы способны строить достаточно сложные умозаключения, он приводит в пример собаку, идущую по следу хозяйина, восстанавливает ход её рассуждений и замечает: «Разве это диалектическое суждение и это умение пользоваться как отдельными частями силлогизма, так и силлогизмом в целом, которыми собака обладает от природы, не стоит выучки, полученной у Георгия Трапезундского?» [1, с. 156]. Таким образом, для выпускника Коллеж-де-Гиень имя Георгия было синонимом «школьной» логики. Однако уже в середине XVI века на смену *Isagoge Dialectica* пришли учебники Иоганнеса Штурма, Пьера де ла Раме и Филиппа Меланхтона [2, р. 627ff; 11, р. 337], и Георгий оказался забыт.

Литература

1. Монтень М. Опыты. Книга 2 / Издание подготовили Ф. А. Коган-Бернштейн, А. С. Бобович и А. А. Смирнов. Ответственные редакторы: С. Д. Сказкин, А. А. Смирнов. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958.
2. Ashworth, E. Jennifer. Developments in the Fifteenth and Sixteenth Centuries // Handbook of the History of Logic. Vol. 2. Mediaeval and Renaissance Logic. / ed. by Dov M. Gabbay and John Woods. North-Holland; Elsevier: Amsterdam, 2008. Pp. 609–644.
3. Castellani G. Giorgio da Trebisonda: maestro di eloquenza a Vicenza e a Venezia, in Nuovo Arch. veneto, XI (1896), pp. 123–142.
4. Copenhaver, Brian P. Translation, terminology and style in philosophical discourse // Cambridge History of Renaissance Philosophy / C. Schmitt, Q. Skinner, E. Kessler, & J. Kraye (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 75–110.
5. Georgii Trapezuntii De Re Dialectica Liber. Lugduni: apud Antonium Vincentium, 1545.
6. Georgii Trapezuntii Isagoge dialectica ad praestantem adolescentem Petrum Gambacurtam de Pisis incipit feliciter. MS Wien, BN, lat. 2485.
7. Jardine L. Humanistic Logic // Cambridge History of Renaissance Philosophy / C. Schmitt, Q. Skinner, E. Kessler, & J. Kraye (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 173–198.
8. Johannes XXI, Pont. Max. (Petrus Hispanus). Summulae logicales. MS Firenze, Magl. M.6.11.
9. Litta, Pompeo. Famiglie celebri di Italia. Gambacorta di Pisa. Ferrario: Milano, 1840.
10. M. Tullius Cicero. M. Tullii Ciceronis Rhetorica, Tomus II / ed. by A. S. Wilkins. Scriptorum Classicorum Bibliotheca Oxoniensis. Oxonii. e Typographeo Clarendoniano, 1911.
11. Monfasani J. George of Trebizond: A Biography and a Study of His Rhetoric and Logic // Columbia Studies in the Classical Tradition. Vol. 1. Leiden: Brill, 1976.
12. Monfasani J. George of Trebizond, Thomas Aquinas, and Latin Scholasticism // Never the Twain Shall Meet? Latins and Greeks learning from each other in Byzantium / ed. by Searby, D. Byzantinisches Archiv. Series Philosophica, 2. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. P. 47–62.
13. Nauta, L. Lorenzo Valla and the rise of humanist dialectic // Cambridge Companion to Renaissance Philosophy / ed. by James Hankins. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 193–210.
14. Prantl, von Karl. Geschichte der Logik im Abendland. Bd. 4. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1870.
15. Prosopographischen Lexikons der Palaiologenzeit. Fasz. 1–12. CD ROM-Version / Erich Trapp et al. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2001.
16. Vasoli, Cesare. La dialettica e la retorica dell'Umanesimo: "Invenzione" e "Metodo" nella cultura del XV e XVI secolo. Milano, 1968.
17. Viti Paolo. Giorgio da Trebisonda // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 55 (2001). P. 373–382.